

...к мятежу у Брассанса...
...всегда спаяно с составом или человеческой призрачностью. В песне «Овернцу»...
...благодарит хозяйку дома за то, что она открыла ларец и дала ему хлеба, когда голодного поэта богачи гнали от своих порогов.

Горбушка хлеба — сущий вздор,
А греет душу до сих пор!
Она благодарит, пророжого, улыбнувшегося ему, когда жандарм тащил его в тюрьму:
Твоя улыбка, словно мед.
Всего две капли, слаще нет!
Она в душе моей живет,
Она в несчастье — солнца свет.
Но иногда мятежность Брассанса приводит его к одиночеству, и доказательством этому такая песня:

Боже, сколько процессий, и шествий, и групп,
Сколько разных собраний, движений и мод,
Сколько всяких кружков, всяких банд, всяких групп.
Лишь Превьер подвести мог бы этому счет.
Но зачем расплываться на множество мне?
Если сверх четырех — значит шайка и сброд.
Я из тех, кто один, от фанфар в стороне,
Недовольный куплет под сурдинку поет...

ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА повторяется в поэзии Брассанса довольно часто. Он и в жизни обособлен. Мало кому доступен его дом в Креспьере. Семья у него нет, и любимое его времяпрепровождение — это в километре от своего дома, в придорожной харчевне пообедать в компании местных крестьян и водителей грузовых машин.

Брассанс южанин. Он уроженец города Сета.

Там, в семье потомственных каменщиков и родился Брассанс, которому суждено было отречься от профессии деда и прадеда, чтобы стать трубадуром своего века.

Он с детства любил стихи и море, где он с мальчишками нырял среди дельфинов, проводя большую часть своей бесшабашной жизни на дырявом баркасе, под морским ветром и палящим солнцем, на котором его черные кудри выгорали до того, что он выглядел блондином. В обществе здоровых телом и духом южных мальчишек сложился этот независимый, честный и гуманный характер поэта, эта преданность и любовь к родной земле и своему народу.

Брассанс всегда гордился своим земляком, знаменитым поэтом Полем Валери. Он учился в школе имени Валери, который родился и умер в Сете. И каждый раз Брассанс, приезжая на родину, посещает могилу Валери на сетском кладбище, откуда открывается великолепный вид на сине-зеленый Львиный залив. В одной из последних песен под названием «Добавление к завещанию, с просьбой быть похороненным на пля-

(Окончание. Начало см. в № 41 за 7 апреля 1970 г.).

же Сета», Брассанс просит отправить его останки поездом «Париж — Средиземноморье» — до вокзала Сета. Семейный склеп каменщиков уже набит до отказа, и поэт не сможет уговорить предков потесниться, чтобы освободить младшему местечко, и тогда он поет:

На морском берегу, ближе к синей волне,
Если можно, прошу, ямку вырыйте мне.
Пусть волна у подножия ляжет. Там играют дельфины,
друзья детских лет.
В том песке, золотистой, которого нет,
Схороните меня на пляже.
Полный уважения к своему

земляку, Брассанс обращается к нему в своей песне:
Воздается вам должно,
Поль Валери,
Я простой трубадур, что там ни говорю,
Извините, учитель милый,
По стихам я слабее, скажу не тая,
Но к волнам будет ближе могила моя,
Да простят это мне старожилы!

Кто-то однажды спросил Брассанса: «Вы действительно хотите быть похороненным на пляже Сета?»
— Нет, мне совершенно безразлично, где меня похоронят. Только в стихах или песне это оправданно... Это поэзия... — ответил Брассанс.

Мне кажется, что и он не был бы Брассансом, если бы в сущности своей всегда не поднимался за пределы человеческих понятий о благе. Быть может, поэтому он и живет анахоретом, поэтом, как он говорит, может по дальцам пересчитать своих друзей! Поэтом он никогда никому не сказал: «Я тебя люблю!». Даже женщине.
— Я думаю, — говорит он, — что это надо только чувствовать, но не выражать словами...

КНИЖКА стихов Брассанса начинается с песни «Плохая репутация», написанной еще в 1950 году. Уже в этой песне он противопоставляет общепринятому понятию о благополучии и нравственности. Поэт просят вызов добронравочным людям, не желая следовать традициям, презирая их и откровенно издеваясь:
В деревне, что таят греха,
Слава обо мне плоха.
Шумлю ли я или тих и нем,
Всегда слышу черт знает кем!
И хоть бреду своей дорогою,
Никого вокруг не трогаю,
Добрый люд не признает
Тех, кто своим путем идет.
Нарушил ли традицию поэт, не выйдя 14 июля маршировать под оркестр, осмелился ли он засту-

питься за воровку залезшего на чужую яблоню, «добрый люд» ничего не прощает поэту, и он поет:
И нет нужды пророком стать,
Чтоб мой конец мне предсказать.

По вкусу петлю подберут,
На шею стянут — и кажут!
Заканчивает поэт свою песню, в каждой строфе повторяя один и тот же припев:
Ведь добрый люд не признает
Тех, кто своим путем идет.

Сарказм — постоянный спутник поэзии Брассанса. Французы любят его крепкие шутки, которыми он старается замаскировать некоторую свою растерянность, одиночество и печаль. Это как нельзя

более чувствуется в песне «Могильщик»:
Бог видит, суть во мне не злая,
Я смерти людям не желаю,
Но уж когда не мрут они.
Я пухну с голоду в те дни.
Могильщик я, бедняк.
Поэт обращается к смерти, которая за ним придет:
Прощай, помощник мой унылый,
Увидишь бога из могилы,
Скажи ему, как мне тяжки
Земли последние комки.
Могильщик я, бедняк.

БРАССАНСУ доступны и глубоко трагические образы, и тогда на смену сарказму и насмешке приходит мягкая лирическая полшутка, которой подчеркивается вся нежность и сочувствие Брассанса к несчастным людям. Так в песне «Старичок» он поет о старухе, собирающей в лесу сухой валежник, чтобы обогреть своего умирающего мужа. И перед нами, как прекрасный французский офорт или старый потускневший гобелен, встают образы, точно и тонко воспроизведенные волнующим искусством Брассанса. Все это очень близко к Вийону, Гюго, Беранже и к рикункам прославленного Домье.

Она бредет одна
Сквозь леса пустоту,
Когда-то здесь она
Лелеяла мечту.
Мечту любви к тому,
Которому — конец.
Старуха собирает сучья окочевшими руками, и ничто не оставит ее, даже если ей скажут, что старичок уже мертв. Не оставит ее
Ни слабость, ни года,
Ни голос темных сил
О том, что не всегда
Старухе верен был
Тот добрый старичок,
Которому — конец!
Вообще смерть присутствует во многих произведениях Брассанса. Он относится к ней, по определению Боннафе, как к семейному персонажу, без трагизма, без па-

вает стихи, нападая на презирающих:
Сынок глупца и дуры вредной,
Не смеяйся над Венерой бедной.
И дальше:
Ты сам судьбой вознагражден,
Что не от шлюхи ты рожден.
В стихах Брассанса не встретишь ни интеллигентных, ни благородных, ни умных женщин. Он либо воспевает деревенских простушек, либо порицает мешанскую пошлость и грубость горожанок, либо жалеет уличных потаскушек — продукт безразличия и ханжества тех, от кого часто зависит судьба женщины.
Но есть среди песен Брассанса, почти всегда неприкрыто-грубоватых, очаровательные лирические песни, полные наивной чистоты помыслов и лишенные сарказма. Одна из таких — «Зонтик».

Девчонка большаком пустынным
Под ливнем шла без ничего.
А я — под зонтиком старинным,
Что спер у друга своего.
В легком, веселых строках воспевает Брассанс всю прелесть путешествия под зонтиком с незнакомкой, которая дошла бок о бок с ним до ближайшего села и тогда:
Она зарделась от смущенья,
Со мной простилась, так мила.
И в тот же миг в мое забвенье
Шагами легкими вшла.
Я это место под зонтом
И эту спутницу мою
Не променяю нипочем
На место теплее в раю!
— посмеивается Брассанс в припеве. И все это так легко и безмятежно, что каждый раз «Зонтик» вызывает бурю восторга именно своей незлобностью и благодушием в отличие от постоянного сарказма и мятежности поэта.

МУЗЫКА Брассанса берет свои корни в народной музыке. Наверное, никакая другая не примет его текстов. Когда его спрашивают, что для него важнее — музыка или стихи, он отвечает:

фоса, без драматизма, он принимает ее запросто, как неизбежный переход из одного состояния в другое, более устойчивое. «Думается мне, что запросто Брассанс принимает и человеческие пороки, потому что не чувствует себя вправе обвинять своих героев; он прощает им все, сочувствует и плачет вместе с ними, если не издевается и не бичует смехом тех, кто виноват в несчастьях падших людей», — говорит Боннафе.

В песне «Жалоба девушки для удовольствия» Брассанс рассказывает об уличных девушках, которых презирают люди и преследует полиция. Вначале, показав все ничтожество и порочность этих девушек, Брассанс заканчи-

вает стихи, нападая на презирающих:
Сынок глупца и дуры вредной,
Не смеяйся над Венерой бедной.
И дальше:
Ты сам судьбой вознагражден,
Что не от шлюхи ты рожден.
В стихах Брассанса не встретишь ни интеллигентных, ни благородных, ни умных женщин. Он либо воспевает деревенских простушек, либо порицает мешанскую пошлость и грубость горожанок, либо жалеет уличных потаскушек — продукт безразличия и ханжества тех, от кого часто зависит судьба женщины.
Но есть среди песен Брассанса, почти всегда неприкрыто-грубоватых, очаровательные лирические песни, полные наивной чистоты помыслов и лишенные сарказма. Одна из таких — «Зонтик».

Девчонка большаком пустынным
Под ливнем шла без ничего.
А я — под зонтиком старинным,
Что спер у друга своего.
В легком, веселых строках воспевает Брассанс всю прелесть путешествия под зонтиком с незнакомкой, которая дошла бок о бок с ним до ближайшего села и тогда:
Она зарделась от смущенья,
Со мной простилась, так мила.
И в тот же миг в мое забвенье
Шагами легкими вшла.
Я это место под зонтом
И эту спутницу мою
Не променяю нипочем
На место теплее в раю!
— посмеивается Брассанс в припеве. И все это так легко и безмятежно, что каждый раз «Зонтик» вызывает бурю восторга именно своей незлобностью и благодушием в отличие от постоянного сарказма и мятежности поэта.

МУЗЫКА Брассанса берет свои корни в народной музыке. Наверное, никакая другая не примет его текстов. Когда его спрашивают, что для него важнее — музыка или стихи, он отвечает:

фоса, без драматизма, он принимает ее запросто, как неизбежный переход из одного состояния в другое, более устойчивое. «Думается мне, что запросто Брассанс принимает и человеческие пороки, потому что не чувствует себя вправе обвинять своих героев; он прощает им все, сочувствует и плачет вместе с ними, если не издевается и не бичует смехом тех, кто виноват в несчастьях падших людей», — говорит Боннафе.

В песне «Жалоба девушки для удовольствия» Брассанс рассказывает об уличных девушках, которых презирают люди и преследует полиция. Вначале, показав все ничтожество и порочность этих девушек, Брассанс заканчи-

Я скорее литератор, чем композитор, для этого у меня недостаточно знаний, но я не мыслю слов без музыкального ритма. Все рождается вместе. И рождается трудно и долго. Иногда стихи уже есть, а мелодия, той, которая сольется с ними, все еще нет. Иной раз сменишь шесть или семь мелодий, пока не возникнет та, абсолютно точная, нужная, бесспорная.

Я гляжу на факсимиле его стихотворения, написанного мелким, прямым почерком в ученической тетради в клеточку, и представляю себе, как он работает в уединении и полной тишине своего Креспьера. Я представляю себе, как он в мягких туфлях шаркает по кабинету из угла в угол, с трубкой в зубах. Потом подсаживается на кончик стула с плетеным сиденьем и быстро записывает строку зелеными чернилами.

А в перерыве — сад и земля, и лопата. Брассанс любит сажать. И, конечно, вскапывая землю и расправляя свои могучие плечи, он думает, что дает полный отдых голове и сердцу. Но этого не может быть, потому что все равно где-то в недрах его мозга и души незаметно для него самого идет работа. Поиски, искания, иначе и быть не может...

ОДНАЖДЫ журналист спросил у Брассанса: много ли он читает и любит ли современных авторов?

— Я почти не читаю новых авторов, потому что еще и классиков не знаю как следует... А там столько можно поучиться! Но я каждый день читаю газеты, хоть прихожу в ужас от современной политической войны и вражды между народами. Мы, конечно, живем в трудное время. С одной стороны, это век огромного движения вперед, подъема в науке, технике, индустрии... А с другой стороны — век всеокушающей силы именно благодаря этим достижениям. Да... Я все же хотел бы жить триста лет тому назад... Я опоздал родиться... — говорит Брассанс со своей грустной мягкой улыбкой.

А нам думается, что он как раз очень своевременен, потому что полностью доходит до сердца и ума своего слушателя и читателя как некогда классики Буало, Вийон, Ронсар.

— Сейчас приятно, — говорит Брассанс, — предлагать публике песню, как новую марку мыльного порошка. Видимо, через это необходимо пройти. Если люди не хотят слушать, они поворачивают кнопку радио и прекращают песню... Мне часто говорят: идите на смену молодым. Но обычно первое желание молодых — это опрокинуть все, что было сделано отцами. Есть люди, которые утверждают: о, Брассанс, это уже не то! По правде говоря, это меня не беспокоит. Мне достаточно того, что на какой-то срок я нужен людям, они меня оценивают по настоящему...

Он прав, этот трубадур XX столетия. Песня Брассанса — это сама Франция и ее народ, полный надежд, восстающий, шедший и всегда влюбленный французский народ.

ПАРИЖ — МОСКВА.

28